

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTURAL STUDIES

УДК 811.512.122`366.5 + 811.512.122`37

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-212-226

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Жубаева О.С.

Цель. Выявить характер антропоцентричности грамматических категорий в их содержании и функционировании.

Материалы и методы. В соответствии с целями и задачами исследования использованы: метод описания, общенаучные методы анализа и синтеза, когнитивный анализ, метод эксперимента, контекстуальный анализ, структурно-семантический анализ, прием трансформации, сравнительный анализ.

Результаты. В работе дана комплексная характеристика антропоцентричности грамматических категорий казахского языка, выявлена национально-культурная самобытность грамматических категорий. Впервые в казахском языкознании содержательный аспект грамматических категорий характеризуется как результат процессов концептуализации и категоризации. На основе обобщения и сравнительного анализа характера и формы отражения человеческого фактора в грамматических категориях казахского языка выявлена национально-культурная специфика грамматических категорий. Исследование закладывает основы нового для казахского языкознания научного направления – антропоцентрической грамматики казахского языка.

Область применения результатов. Материалы исследования могут быть использованы в теоретических курсах грамматики и

языкознания, а также при разработке специальных курсов по когнитивной лингвистике, когнитивной грамматике и др.

Ключевые слова: антропоцентричность; персональность; грамматические категории; акт коммуникации; национально-культурная специфика.

COGNITIVE-COMMUNICATIVE PERSONALITY CATEGORY IN THE KAZAKH LANGUAGE

Zhubaeva O.S.

The purpose of the research is to reveal the character of anthropocentricity of grammatical categories in their meaning and functioning.

Materials and methods. According to the research objectives and goals, the methods used were as follows: the descriptive method, general scientific methods of analysis and synthesis, cognitive analysis, method of experiment, contextual analysis, structural-semantic analysis, transformation technique, comparative analysis.

Results. For the first time in the Kazakh linguistics the substantial aspect of grammatical categories is characterized being a result of both conceptualization and categorization processes. Based on generalization and the comparative analysis of nature and forms of the human factor reflection in the Kazakh grammatical categories there has been revealed the national-cultural specific character of grammatical categories.

Practical implications. The research materials can be used in theoretical courses on grammar and linguistics, as well as in the development of special courses on cognitive linguistics, cognitive grammar, etc.

Keywords: anthropocentricity; personality; grammatical categories; act of communication; national and cultural specificity.

Согласно антропоцентрическому направлению в современной лингвистике особое внимание уделяется влиянию языка на систему мышления и действия человека, а также влиянию человека на язык, человеческому фактору в языке. С этой точки зрения наблюдается

влияние бытия, характера человека, его мировоззрения, иных характеристик участников коммуникативного акта на объективный процесс становления грамматических категорий. Соответственно, грамматические категории в разной форме формируются через языковые единицы. Являющиеся основанием для этого грамматические отношения обретают содержание в сознании, в связи с чем возникает необходимость рассматривать морфологические категории в тесной связи с познавательной деятельностью, процессами концептуализации и категоризации. Соответствующий анализ определяет языковые явления с антропоцентрической точки зрения. Здесь человек описывается в двух направлениях: 1) отражение человека в языке; 2) потребление человеком языка.

Отражение человека в языке ярко выражено в основном в лексике и фразеологии; также его специфические особенности можно проследить в грамматических категориях. Для этого необходимо рассматривать грамматические категории не локально, а изучать язык в целом как когнитивную систему с учетом требований коммуникации и когниции.

В языке когнитивные, лексические и другие средства находятся между собой в единстве. Исследователи, говоря об аналогичных явлениях в ментальном сознании человека, применяют разные наименования: концепты грамматического вида, грамматические концепты и т.п. В трудах Л. Талми [16], Н.Н. Болдырева [5], Н.А. Бесединой [3] отмечается, что концепты, отраженные в виде грамматических концептов, употребляются для изображения значимых понятий реального бытия. Грамматика как когнитивная система является фактором, определяющим концептуальную структуру языка. Категорийные значения становятся основой значения слов и отражаются в рамках формы. Следовательно, концептуальные категории образуют грамматические категории. Морфологические категории в качестве морфологических показателей приобретают своеобразное значение и создают грамматические категории.

Грамматические концепты, изображающие способы отображения в языке знаний о мире, направленные на языковую систему,

по сравнению с концептами, передающимися лексическим путем, бывают относительно стабильными, благодаря чему они связаны с категориальной частью концептуального образа вселенной. Эту особенность морфологических категорий К. Жубанов отмечает так: «Язык меняется, но не все области меняются одинаково. Грамматическая структура меняется очень медленно. Если будет меняться без остатка, то не было бы грамматики. Следовательно, грамматика – стабилизация, установка какого-то положения языка в определенное время. С помощью этого она препятствует изменению звуковой структуры. Поэтому долгое время они не отходят друг от друга по звуковой структуре. Отсюда наблюдается их связь» [9, с. 258].

Для полного понимания языка и речевой деятельности лексические и грамматические концепты должны характеризоваться в единстве. Морфологические концепты в качестве ментальных структур в языковой структуре отображаются через грамматические средства. Эти концепты характеризуются в ментальных концептах. В статьях, посвященных описанию картин национального менталитета, выполненных на материале киргизского и русского языков, профессор З.К. Дербишева подчеркивает, что грамматический строй языка влияет на менталитет народа [8].

В казахском языкознании морфологические концепты еще не стали объектом специальных исследований. Однако, анализируя труды ученых, внесших большой вклад в формирование и развитие казахского языкознания, наблюдаем, что первые формы когнитивной грамматики обсуждались в трудах Ы. Алтынсарина, А. Байтурсынулы, К. Жубанова, К. Кеменгерулы и др. исследователей.

А. Байтурсынулы, учитывая взаимосвязь лексических единиц и знаков, части речи относил к определенной грамматической группе. В трудах ученого метаконцепт «имя существительное» определено с позиции концепта «предмет». В определении, данному имени существительному, отмечается: «Некоторые слова называют сам предмет» [1, с. 160]. А. Байтурсынулы в качестве различия имени существительного и имени прилагательного отмечает то, что имя существительное называет сам предмет, а имя прилагательное обо-

значает его признак. При классификации имени существительного и имени прилагательного за основу были приняты такие логические категории, как общая грамматика, понятие, представление. Это можно проследить и в определениях, данных ученым имени числительному, местоимению и глаголу. Труд А. Байтурсынулы был предназначен для детей, поэтому он старался передать основные понятия языкознания простым и понятным для них языком. При составлении учебников А. Байтурсынулы, переходя от частного к общему, учитывал легкое усвоение детьми учебного материала. Этими позициями руководствовались и следующие авторы учебников (К. Жубанов, Т. Шонанов, К. Кеменгерулы и др.), которые также различали части речи.

Персональность – семантическая категория, обозначающая отношение говорящих, участников речевого процесса друг к другу. Основу персонального функционально-семантического поля составляет грамматическая категория лица. Термин «жақтау» употребляется нами как аналог термина «персональность». Это наименование впервые употребил А. Байтурсынулы, определивший личные и притяжательные окончания как «персональные» [1, с. 144]. Изменение слов в трех лицах рассматривается отдельно от других окончаний и классифицируется как **мендік** (сторона говорящего), **сендік** (сторона слушающего) и **бөгделік** (сторона, отдельная от говорящего и слушающего). В своей работе мы берем за основу наименования парадигму классификации А. Байтурсынулы.

Спряжение в виде функционально-семантического поля представляет собой набор средств (морфологических, синтаксических, лексических, лексико-грамматических) разного уровня, применяемых для обозначения отношения к лицу языка. В грамматическом центре персонального поля лицо как грамматическая категория составляет самостоятельно своеобразное поле. Отношение к лицу определяется со стороны говорящего и в качестве центральной точки речевого акта основывается на говорящем. Семантика лица основывается на соответствии/несоответствии участников речевой деятельности и участников данной ситуации. В случае соответствия

субъект ситуации и говорящий совпадают, или же субъект ситуации становится группой, в которой участвует говорящий. В ситуации, когда говорящий не соответствует лицу, он может быть слушающим лицом, участвующим в речевом акте.

Персонализация строит структуру поля, в котором выделяются центральное поле, имеющее определенные иерархические характеристики, и периферия. На самом верш персонализации расположено «я» (I лицо, обозначающее говорящего). Ему соответствует «ты» (II лицо, обозначающее слушающего), т.е. местоимения *я* и *ты* семантического центра равноправны. В связи с этим А. Байтурсынулы выделяет три формы лица: «Лиц три: I лицо – *мендік*, говорящий; II лицо – *сендік*, сторона слушателя; III лицо – *бөгделік*, сторона, не касающаяся говорящего и слушающего [1, с. 144].

I и II лица наряду с обозначением участников речевого акта связаны и с III лицом, не участвующим в речи. Здесь наряду с определением личностей, которые могут войти в разные лица, огромное значение имеет и определение личностей, не входящих в данный акт. В значение единственного числа I лица (*я*) не могут войти личности II, III лица, а в значение единственного числа II лица (*ты*) не могут войти личности I, III лица. Это обозначает соотношение значений I, II и III лица единственного числа. А в I, II лице множественного числа III лицо не ограничивается, т.е. множественное число I, II лица также связано с III лицом. III лицо, обозначающее не людей, а предметы, не может войти в данное отношение. Здесь признаки безличности видны явно и открыто. Однако III лицо, обозначающее предметы, хотя и является периферийным членом категории персонализации, не рассматривается вне ее рамок: «человеческий мир» стоит рядом с «миром предметов». III лицо, когда употребляется в отношении человека, участвует в речевом акте и может использоваться в позиции местоимений I, II лица, а III лицо, связывающиеся с глаголами, касающихся предметов, не может выполнять эти функции.

III лицо, присущее человеку, переходит от центра к периферии, а мир предметов составляет его крайнюю периферию. III лицо в

отношении человека непосредственно соответствует I, II лицу, в данном значении местоимение *он* может употребляться в позиции местоимений I и II лица; предметное III лицо не может соответствовать I, II лицу. Поэтому семантика III лица, обозначающее человека, охватывает ближнюю периферию семантики персонализации или находится между центром и периферией. Вариант *он*, употребленный как подлежащее, постоянно соответствует субъекту. Это – его основное значение.

Основное значение персонализации направляется непосредственно на говорящего и слушателя и употребляется в отношении человека. III лицо обозначает другого человека, отдельного от говорящего и слушателя. III лицо, кроме людей, может обозначать и предметы. В связи с этим, если его рассматривать вне персональной семантической категории, то рамки III лица были бы неполными, половинчатыми. Например, в предложении *Он лежит на земле* местоимение *он* употреблено в отношении человека, поэтому его относят к категории персонализации, а если употребить это же предложение (*Он лежит на земле*) в отношении предмета (книга, бумага, мяч и др.), то отнести это же местоимение к данной категории, конечно же, было бы необоснованным. В казахском языке личное местоимение *он* называется указательным местоимением и обозначает людей, а также употребляется в отношении предметов.

Категория лица в каждом языке отражается по-разному. Нельзя особенности одного языка соотносить с особенностями другого языка. Убедиться в этом можно, сравнив казахский и русский языки. В индоевропейских языках, в частности в русском языке множественное число лица (*мы*), т.е. «я + не я», имеет обобщенное значение, но данная закономерность не соответствует казахскому языку. В казахском языке «я + другие» употребляется не в форме «біз» во множественном числе, а в форме «біздер». *Вы* в казахском языке обозначается формой *сендер* (*ты + другие*), *сіз* (*вы*), *сіздер* (*вы + другие*).

Классификация категории лица казахского языка на простые/вежливые формы может быть показателем ментальности. По мне-

нию А. Байтурсынулы: «В вежливой форме говорящий вместо *мен* (*я*), говорит *біз*, к слушателю обращается не на *ты* (*сен*), а на *вы* (*сіз*), третье лицо называет *ол кісі*, а не *он* (*ол*). Поэтому *біз* – I лицо, *сіз* – II лицо, *ол кісі* – III лицо» [1, с. 226].

Эту особенность отметил Н.И. Ильминский, хорошо владевший казахским языком: «Относительно личных местоимений должен заметить, что сказать о себе *мен*, а другому *сен* было бы неприлично в разговоре с высшим или младшему со старшим. Скромность и вежливость требуют сказать вместо того: *біз*, *сіз*. Таким образом, эти два слова в киргизском языке должны называть вежливым единственным числом» [10, с. 18].

В трудах А. Байтурсынулы и К. Кеменгерулы говорится о том, что в простой форме склонения нет множественного числа I лица. Своеобразие местоимения *я* (I лицо) явно прослеживается в тюркских языках, особенно в казахском. Из-за того, что в функционально-семантическом поле меняются места говорящего и слушателя, говорящий (I лицо) употребляется всегда в единственном числе. Нет формы I лица множественного числа, а *ты* может употребляться в отношении всех слушателей, кроме говорящего, т.е. форма *сендер* (*вы*) обозначает *сен+сен+...+сен* (*ты+ты+...ты*). I лицо (говорящий) и II лицо (слушатель) обозначают особую референтность и противопоставляются друг другу. Множественное число II лица обозначает не множество одинаковых людей, а совокупность разнородных референтов. Следовательно, *сендер* (*вы*) может быть создано из разнородных референтов, в то время как *мен* (*я*, I лицо) не может создать такую разнородность. Таким образом, множественным числом местоимения *сен* (*ты*) может быть *сендер* (*вы*), но множественным числом местоимения *мен* (*я*) не может быть *мендер* (*мы*). Отсюда можно увидеть, что при противопоставлении I и II лица по корреляту «уникальность/совокупность» они не могут быть равными. А как указывается в трудах И. Кенесбаева [13, с. 59], А. Исакова [11, с. 12], если вышеуказанные формы переходят в местоимения *біз*, *біздер* (*мы*), то преобразуются в вежливую форму. То есть говорящий всегда выступает в единственном

числе. С этой точки зрения наблюдается особенность референта I лица (я). Поэтому форма множественного числа I лица в казахском языке не может быть употреблена в корреляте инклюзив/эксклюзив. Можно полностью согласиться с заключением А. Байтурсынулы о том, что «в простой форме спряжения нет множественного числа I лица» [1, с. 226].

В качестве примера того, как в вежливой форме употребляется местоимение *мы* (*біз*) в единственном числе 1 лица можно процитировать отрывок из поэмы «Тахир-Зухра»:

Сағыныштан болдық зар,
Ақ жүзіңе ынтызар,
Біз- жалғызды жылатып,
Қайда жүрсің, ғашық жар? [7, с. 67].

Можно увидеть, что в поэме «Тахир-Зухра» местоимение *біз* (*мы*) употреблено в значении единственного числа. Это может подтвердить применение сочетания *біз-жалғыз* (*мы-один*). Наряду с этим, в словах Тахира, который прощается с жизнью, слова переданы лично от имени самого героя.

В современном языковом употреблении в официальном стиле (в текстах докладов, к примеру) местоимение *біз* употребляется часто, что говорит о том, что носители языка правильно используют местоимения, но не могут корректно показать их в языковой парадигме.

В тюркских языках, в том числе в казахском языке, ученые связывают историю происхождения личных окончаний с личными местоимениями. Поэтому личные местоимения I, II лица и глаголы всегда согласуются. Подтверждением данных процессов может служить следующий стихотворный фрагмент:

Рухтары гүл, Таһирсің,
Ләгілдей мислі Таһирсің.
Көзден аққан жастарым,
Мейірбан қыл, Таһир сен! [7, с. 69].

Как видно из вышеприведенных примеров, личные местоимения и глаголы связаны с помощью согласования. А примеры Таһирсің –

ты Тахир свидетельствуют о конкретных этапах развития языка, то есть доказывают происхождение личных окончаний от личных местоимений.

А. Байтурсынулы отмечает, что личные окончания в I, II лицах согласуются между собой, а во множественном числе III лица отходят от этого согласования. Такие доказательства можно найти и в эпосах-поэмах:

Көрген итің – дұшпан ол,
Арамызға түскен ол,
Екеумізді күзетіп,
Көп сырларды шешкен ол.
Сені менен айыраp ол,
Қанатымнан қайыраp ол.
Мұнды басты гәріпке,
Көп залымдық айлар ол [7, с. 58].

Данный пример доказывает тот факт, что исторически личные местоимения употреблялись как самостоятельные слова, обозначающие предикативность, а не вспомогательные.

Между личными и указательными местоимениями в казахском языке нет личностных различий. Местоимение *он* наряду с местоимениями *этот*, *тот* и другими употребляется и в качестве указательных местоимений. Это свойственно и другим тюркским языкам. Изменение местоимения III лица на форму *ол кісі* (*этот человек*), видимо, связано с вышеуказанной особенностью. В казахской культуре указательные жесты и обращение *ол* считаются проявлением грубости и невоспитанности. Кроме того, употребление указательных местоимений в отношении людей может выражать неодобрение, осуждение, т.е. носит экспрессивный характер. Так, например, в стихотворении М. Макатаева словосочетание *мына біреу* (*вот этот человек*) означает неодобрение поведения данного человека:

Су сұраса, сүт берген, айран берген
Қартайып қалыпсың-ау, қайран жеңгем!
Қарғаның валетіндей едірейіп
Қасыңа мына біреу қайдан келген? [14, 489].

Приведенные факты показывают особенности казахского языка. Чтобы правильно понять систему склонения казахского языка, необходимо различать простое склонение от вежливого. Только тогда может быть полностью раскрыта природа системы склонения. В русском языке по корреляту «уникальность/совокупность» местоимения *я, ты* относятся к ряду уникальности, а в казахском языке в ряду уникальности употребляются *мен, сен* (я, ты) (единственное число местоимений I, II лица простого склонения), *біз, сіз* (мы, вы) (единственное число местоимений 1, 2 числа вежливого склонения). О. Бетлингк считает, что форма *-з* местоимений **бүз, сүз** появилась в результате интегрирования местоимений I, II лица, то есть **біз** < **бі+сі** (*мен+сен*), **сіз** < **сі+сі** (*сен+сен*) [4, 358]. Эту мысль поддерживает и А.В. Бондарко, считая, что показатель *-з* является личностным плюрализатором [6, с. 96-97].

В каждом грамматическом явлении, по мнению Ы. Маманова, существует определенный стабильно сформированный системный порядок. [15, с. 125]. Казахский язык является агглютинативным языком, поэтому природа аморфных языков ему противоречит. Хотя в русском языке слово *человек* употребляется в единственном числе, во множественном числе оно превращается в *люди* (а не в *человеки*). В казахском языке значение передается с помощью вспомогательного дополнения, что является следствием агглютинативной природы казахского языка.

Итак, специфика местоимений *мен, сен, біз, сіз* казахского языка заключается в том, что они:

- 1) являются особым референтом;
- 2) употребляются в значении единственного числа;
- 3) отражают национальные-культурные особенности;
- 4) в содержательной форме употребляются в личностных отношениях; между собой противопоставляются;
- 5) не могут быть употреблены в инклюзивных/эксклюзивных отношениях.

Состав местоимения *біздер* включает в себя элементы «я + ты»/«мы + вы», то есть может выражать союз говорящего и слу-

шателя; также оно может быть создано по формуле «мен + сендер/сіздер» («я + вы») и «мен + сендер/сіздер емес (ол/олар)» («не я + не вы (он/они)»). Эти противоречия изображаются в инклюзивной и эксклюзивной формах. В казахском языке инклюзив/эксклюзив можно различить только через контекст. По содержанию они являются совокупностями разных референтов.

В трудах А. Байтурсынулы, К. Кемеңгерулы также отмечается, что в простом склонении нет множественного числа I лица [1, 12]. Следовательно, формы местоимения *мен* в казахском языке имеют национально-культурную специфику.

По мнению М. Балакаева: «В языке сохраняются национальные чувства и сознание, способы мышления, формы поведения каждого народа. Такие особенности, как культура, традиции и обычаи, их психологическое состояние, литературные наследия с помощью языка передаются от поколения к поколению» [2, с. 14]. Язык является средством, изображающим особенности мировоззрения говорящего, показателем особенностей национального менталитета, основой культуры. Склонение личных местоимений казахского языка, их простые и вежливые формы отличает определенная специфика.

Итак, классификация категории лица казахского языка на простую/вежливую форму является показателем национальной ментальности. Рассмотрение категорий, являющихся основой для национального кода этноса, с точки зрения концептуализации имеет особое значение. Это дает возможность охарактеризовать особенности и употребление морфологических категорий, определить концептуальные структуры, ставшие их основой, и через это описать концептуальную систему языка, отображенного в концептуальном пространстве морфологии.

Исследуя языковую семантику, можно восстановить (реконструировать) языковой образ вселенной, созданный народом, (субъектом языка). В грамматических категориях отображается своеобразие национального языка. В морфологических категориях открыто можно увидеть национальное бытие, национальное мировоззрение, отношения между людьми. Когнитивная деятельность морфоло-

гических единиц связана с процессом мышления, национальным менталитетом, с особенностями обработки, сохранения, классификации информации. Культура, образование и опыт определенного этноязыкового сообщества находят свое отображение в языке, создавая определенный менталитет. Запас знаний находит свое отражение в языковой семантике, показывая национальный, культурный опыт определенного языкового коллектива. Изучая языковую семантику, можно определить закономерности языковой концептуализации мира, восстановить языковую картину мира.

Список литературы

1. Байтурсынов А. Избранное. Алматы: Жалын, 1991. 464 с.
2. Балакаев М. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Арыс, 2008. 592 с.
3. Беседина Н.А. Морфология как способ концептуализации языкового знания // Вестник Тамбовского университета. Тамбов, 2006. Вып. 4 (44). С. 469–475.
4. Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекции по английской филологии: учебное пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 163 с.
6. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
7. Ғашық-наме. Казахские поэмы. Алматы: Жазушы, 1979. 462 с.
8. Дербишева З.К. Национальный менталитет и его отражение в языке // КТУ «Манас». <http://altaica.ru/Articles/mentalitet.php> (дата обращения: 01.11.2017).
9. Жубанов К. Исследования по казахскому языкознанию. Алматы: Наука, 1999. 581 с.
10. Ильминский Н.И. Материалы к изучению киргизского наречия // Ученые записки Казанского университета, 1860. 172 с.
11. Исаков А. Современный казахский язык. Алматы: Ана тілі, 1991. 348 с.
12. Кеменгерулы К. Избранные. Алматы: Алаш, 2006. Т. 2. 262 с.

13. Кенесбаев И. Қазақ тілі. Алматы, 1939. 148 с.
14. Мақатаев М. Книга поэзии. Алматы: ҚАЗАқпарат, 2012. 1032 с.
15. Маманов Ы. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Арыс, 2007. 488 с.
16. Talmy L. Semantics and syntax of motion // J. Kimball (ed.). Syntax and semantics, 4. N.Y.: Academic press, 1975, pp. 181-238.

References

1. Baytursynov A. *Izbrannoe* [Selected works]. Almaty: Zhaly, 1991. 464 p.
2. Balakaev M. *Voprosy kazakhskogo yazykoznaneya* [Issues of the Kazakh linguistics]. Almaty: Arys, 2008. 592 p.
3. Besedina N.A. *Morfologiya kak sposob kontseptualizatsii yazykovogo znaniya* [Morphology as a means of linguistic knowledge conceptualization]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Tambov, 2006. № 4 (44), pp. 469–475.
4. Betlingk O.N. *O yazyke yakutov* [On the language of the Yakuts]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 646 p.
5. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Kurs lektsii po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics. A course of lectures on English philology]. M.; Berlin: Direkt-Media, 2016. 163 p.
6. Bondarko A.V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [Theory of meaning in the system of functional grammar: as based on the Russian language]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 736 p.
7. Fashyk-name. *Kazakhskie poemy* [Kazakh poems]. Almaty: Zhazushy, 1979. 462 p.
8. Derbisheva Z.K. *Natsional'nyy mentalitet i ego otrazhenie v yazyke* [National mentality and its reflection in a language]. KTU «Manas». <http://altaica.ru/Articles/mentalitet.php>
9. Zhubanov K. *Issledovaniya po kazakhskomu yazykoznaneyu* [Studies on Kazakh linguistics]. Almaty: Nauka, 1999. 581 p.
10. Il'minskiy N.I. *Materialy k izucheniyu kirgizskogo narechiya* [Materials for studying the Kazakh language]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, 1860. 172 p.

11. Iskakov A. *Sovremennyy kazakhskiy yazyk* [Modern Kazakh language]. Almaty: Ana tili, 1991. 348 p.
12. Кемеңгерұлы К. *Izbrannye* [Selected works]. Almaty: Alash, 2006. V. 2. 262 p.
13. Kenesbaev I. *Қазақ тили* [The Kazakh language]. Almaty, 1939. 148 p.
14. Мақатаев М. *Kniga poezii* [Book of poetry]. Almaty: ҚАЗАқпарат, 2012. 1032 p.
15. Mamanov Y. *Voprosy kazakhskogo yazykoznaniya* [Issues of the Kazakh linguistics]. Almaty: Arys, 2007. 488 p.
16. Talmy L. Semantics and syntax of motion / J. Kimball (ed.). *Syntax and semantics*, 4. N. Y.: Academic press, 1975, pp. 181–238.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Жубаева Орынай Сагинғалиевна, д.ф.н., заведующая отделом
грамматики
Институт языкознания имени А.Байтұрсынова
ул. Курмангазы, 29; г.Алматы, Республика Казахстан
alm-ornai@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhubaeva Orynay Sagingalievna, Head of the Department of Grammar
Institute of Linguistics named after A.Baitursynuly
29, Kurmangazy, Str., Almaty, Republic of Kazakhstan
alm-ornai@mail.ru